

УДК 130.2

О.И. Чеснокова

Методология анализа проблем пола и гендера в славянской культуре XX века

С конца XX века понятие «пол/гендер» достаточно активно функционирует во многих общественно-гуманитарных науках. Сегодня существуют противоположные и зачастую противоречащие друг другу трактовки пола и гендера, базирующиеся на определенных методологических основаниях, имеющих разные философские истоки. Одни авторы говорят о гендерной асимметрии и дисбалансе, критикуют патриархатную постсоветскую культуру и развивают гендерные исследования, во многом копируя западный опыт. Другие ориентируются на биологические основания пола и теорию «естественного предназначения полов». Однако и те, и другие согласны, что категория «пол/гендер» становится необходимым инструментом анализа современной культуры

В славянском обществе можно обнаружить три типа отношений к гендерным исследованиям: отторжение, симбиоз и синтез. В первом случае это восприятие гендерных исследований как чуждого и чуждого западного опыта; во

втором – отождествление своего и чужого, калькирование и создание «познавательных гибридов»; в третьем – сохранение познавательной дистанции к западному опыту и одновременно его самостоятельное критическое осмысление [1]. Первый тип отношения характерен для академической традиции. Вопросы философии пола/гендера до сих пор остаются маргинальными для постсоветской философии, хотя в других гуманитарных науках эти понятия и связанные с ними проблемы обсуждаются весьма плодотворно (например, в истории, психологии, лингвистике, социологии и политологии).

Второй и третий типы отношений активно осваивает славянское феминистско-гендерное сообщество. С 90-х годов XX века в России, Украине и Беларуси развивается женское движение, сеть центров гендерных исследований, появляются многочисленные публикации (как в специальных феминистских журналах, так и в академических изданиях) на женские темы, темы пола и гендера. Наиболее обширно в них представлены работы по социально-политическим и правовым вопросам женского движения, а также по женской истории. Это работы С. Айвазовой, Н. Лавриненко, С. Полениной, О. Ворониной, Е. Гаповой, посвященные русской, белорусской и украинской женщине, попавшей в «лабиринт равноправия». Женской российской историей активно занимается Н.Л. Пушкарева, написавшая несколько работ о женщинах Древней Руси, о частной жизни русской женщины до XIX века. Об опыте и традициях славянского женского движения пишут О. Хасбулатова, И. Жеребкина, Э. Павлюченко, Т. Осипович, Л. Милованова, Т. Клименкова и др. Вопросы философии и теологии пола в русской культуре исследуют О. Рябова, Т. Осипович, Г. Бранд. Западный феминизм в своих многообразных формах представлен на постсоветском пространстве оригинальными текстами, их переводами и многочисленными комментариями сторонников и противников феминизма. Малоизученной областью пока остается философия постфеминизма, одна из основных проблем которой – анализ противоречий пола и гендера в западном феминистском дискурсе на рубеже веков. В славянских странах существуют попытки компаративного анализа пола и гендера такими исследователями, как С. Ушакин, Н. Абубекирова, Т. Клименкова, Г. Шатон, О. Рошинская и др. Но остаются непроясненными место и роль понятия «гендер» в славянской культуре. Галина Филиппович задает в этой связи важный вопрос: «...поддерживают ли славянские культуры дискурсивное поле западной феминистской теории или идут вразрез с ним? Каким образом гендерные исследования могут расширить свои горизонты в случае, если они начнут уделять больше внимания славянским гендерным конструктам?» [2]. Этот вопрос актуален для нашего времени, так как с конца XX века начинают формироваться теоретические основы славянского феминизма.

Сегодня можно констатировать наличие множества феминистских и постфеминистских теорий пола/гендера в русской, украинской и белорусской культурах: это либерально-реформистские феминистские концепции пола; радикально-феминистские концепции пола; социал-демократические концепции пола; концепция «полового андрогина» («православный феминизм»); концепции гендера как социально сконструированного пола. В них обнаруживается синтез феминизма и марксизма, православия и феминизма, либерализма и феминизма. Центральное понятие «пол/гендер» базируется в них на различных методологических основаниях, начиная с идеи социально обусловленного и сконструированного пола (гендера), заканчивая концепциями перформативности и множественности полов, отвергающими половую дихотомию. Несмотря на то, что феминизмов множество, их разнообразие все же базируется на некоторых общих методологических принципах. Это, во-первых, принцип конструктивизма («пол – это социальный конструкт»); во-

вторых, принцип идеологизма («главное не столько понять пол, сколько изменить существующее положение вещей»); в-третьих, принцип плюрализма («пол также неисчерпаем, как и теории о нем»). Реализации этих принципов служат эмпирические и теоретические методы изучения проблем пола/гендера. Взаимоотношение между ними неоднозначно и противоречиво. Если попытаться определить отношение феминистских авторов к теории вообще, то она воспринимается как знак андроцентризма, символ мужского господства. Эпистемология феминизма эмпирична. В ее арсенале методы устной истории (метод свидетельства и признания разнообразного женского опыта в разных культурах); мультикультурного сравнения; методы количественного и включенного исследования (познание мира изнутри, а не снаружи) и т.п.

Проблемы методологии женских/гендерных исследований конкретизируются славянскими феминистскими учеными, занимающимися, например, гендерной историей. Венгерская исследовательница по женской истории Андреа Пето в этой связи рисует довольно мрачную картину состояния таких исследований в Восточной Европе, для которых, по ее мнению, характерна непоследовательность, прерывистость и отсталость. Объясняет она это тем, что славянские ученые долгое время не имели возможности опираться на опыт «гигантов» феминистской мысли, поэтому потребуются десятилетия первичной исследовательской работы, чтобы подняться до уровня современной западной феминистской литературы. В этой ситуации практической непроработанности женских/гендерных проблем «...становится особенно важным то, как мы думаем, а не то, что мы думаем» [3]. Другими словами для славянского исследователя важна эта разность, которая детерминирована культурой и традициями конкретного общества. Мы можем думать об одном и том же, но по-разному. Мы можем быть «нетрадиционными феминистками». Целью восточноевропейских феминистских историков является критика «национальных мифов» и поиск новой методологии и новых методов. Это могут быть не только селективные методы (методы переписывания истории), но и междисциплинарные методы, методы антропологии и социологии. Центральным понятием в этих теориях становится категория «гендер», заимствованная из западных источников, но пока не совсем ясно, какие смыслы и значения вкладывают в эту категорию славянские исследователи.

Парадокс в том, что проблемы пола не являются для славянской культуры «*tabula rasa*». В форме философии, идеологии и теологии пола они активно разрабатывались в России с конца XIX века. В контексте философско-религиозных идей в русской культуре существовали и существуют философия пола Н. Бердяева, Вас. Розанова; «теология пола» Б. Вышеславцева; «православная концепция пола» П. Евдокимова; идеи «символизма пола» А.Ф. Лосева и С.С. Аверинцева.

Светские и религиозные мыслители – С. Булгаков, Н. Бердяев, Вл. Соловьев, Вас. Розанов, Н. Лосский, Б. Вышеславцев развивали философию и теологию пола в конце XIX – начале XX века. Эта традиция была прервана в 20-х годах XX века, но восстановлена в эмиграции самими мыслителями и их учениками, среди которых можно назвать, например, православного философа Павла Евдокимова. По мысли Евдокимова, «западный феминизм останавливается на политической, феноменальной реальности и не идет вглубь, не исследует реальность ноуменальную, отрицает понятие Бог» [4]. В православном феминизме эти идеи развиваются в русле концепции «естественного предназначения полов». Отмечается также отличие западных и славянских ценностей: так, например, «равенство полов», «свобода», «демократия», «либерализм» – это ряд западных ценностей, которые успешно проникают в Евразию под названием «общечеловеческих». Понятия «грех», «смирение»,

«предназначение женщины и мужчины» для западной культуры непонятны, а если и понятны, то редко употребляются. В славянской культуре в разнообразных формах повторяется идея о диалектическом единстве природы и культуры. В этом контексте категория «пол» содержит информацию не только о природе и культуре, но даже о Боге. Она эвристична сама по себе. Это означает, что с точки зрения православия можно обойтись без категории «гендер», анализируя отношения между полами. Понятие «пол» статично, оно четко определяет роли, нормы поведения, ожидания мужчин и женщин. С.С. Аверинцев, обнаруживая нравственный аспект проблемы, утверждает, что «пол сам по себе, как предмет соответствующих научных дисциплин, духовно, нравственно и эстетически бескачественен (экзистенциально – он есть нечто не существующее); свою злокачественность или доброкачественность, свое проклятие и растление, или, напротив, освящение и очищение он получает извне, от иных, отнюдь не материальных уровней нашего бытия» [5]. Телесное может являться знаком и одновременно реальностью незримого духовного.

Итак, в русской религиозно-философской традиции «пол» – это не биологическая и не политическая, а духовно-онтологическая категория. Он как символ чего-то духовного одновременно дан и задан.

В форме «идеологии пола» женский вопрос рассматривался революционной социал-демократической мыслью и стал составной частью борьбы за освобождение пролетариата в конце XIX – начале XX века. Взгляды В. Белинского, Н. Чернышевского, П. Ткачева, В.И. Ленина, И. Арманд и А. Коллонтай были не только теоретической основой, но и практическим руководством для партии большевиков в деле эмансипации женщин. В советской марксистско-ленинской философии проблема взаимоотношения полов анализировалась в разделах социологии брака и семьи. Однако и здесь речь шла лишь о гармоничном развитии каждого человека как личности и о том, что в нашем обществе семья строится на основе равноправия мужчин и женщин, их равной ответственности. Фундаментальные философские вопросы природы человека решались в марксизме с диалектико-материалистических позиций, т.е. подчеркивалась социально-биологическая природа человека, однако из этого не следовала простая дихотомия: тело/пол – биологическая составляющая, а сознание/психика – составляющая социальная. Советский философ А.Г. Спиркин определял человека как «...целостное единство биологического (организменного), психического и социального уровня» [6]. Человек рождается как биосоциальное единство. Он появляется на свет с неполностью сформированными анатомо-физиологическими системами, которые доформируются в условиях социума, т.е. генетически они заложены именно как человеческие. Философ делает вывод, что в момент рождения человек лишь кандидат в человека. Но кандидат именно в человека. Здесь важно подчеркнуть как слово «кандидат», так и слово «человек». Распространив этот тезис на область гендерных исследований, мы можем сегодня сказать, что половая принадлежность индивида есть также открытый вопрос, т.е. человек при рождении лишь кандидат в мужчину или в женщину. Конечно, в марксистских исследованиях была сильна социологическая доминанта, когда сущность человека сводилась к совокупности общественных отношений, а мысль о половой принадлежности индивида просто не возникала. Это отмечают белорусские ученые Е. Гапова и А. Усманова, критикуя марксистскую методологию в исторических науках. Они говорят о проблематичности категории «гендер» для современных русскоязычных историков. Долгое время, по их мнению, инструментами анализа в традиционной марксистской историографии являлись понятия «класс» и «пол». Кроме того, между ними существовал принцип субординации: «биологический пол подчиняется социальному и культурному

порядку; половая дифференциация предшествует социальной, но сама при этом социальной не является» [7]. Проблема пола/гендера, по мнению этих авторов, не осознавалась традиционной наукой, а следовательно методологии ее изучения не существовало. Они критикуют марксистскую методологию истории за «абстрактный объективизм», нерелексированность историографического письма, рационализм и универсализм, за «эпистемологическое лицемерие» и «осознаваемое безразличие». Можно согласиться с тем, что некоторые из этих феноменов являются показателем определенной наивности марксистской методологии. Но если наивен рационализм и универсализм марксизма, то разве менее наивен эмпиризм и релятивизм феминистской мысли.

Марксистские исследователи подчеркивали в человеке его социальную природу, но это не имело того упрощенного смысла, что будто бы только социальная среда формирует человеческую личность. Социальное здесь понималось как альтернатива идеалистически-субъективистскому подходу к человеку, абсолютизирующему его индивидуальные психологические особенности. Такое понятие социальности, было, с одной стороны, альтернативой индивидуалистическим трактовкам, с другой – не отрицало биологического компонента в человеческой личности, который также имеет универсальный характер.

В концепциях пола, развивающихся в постмарксистской философии, критике подвергается методология самого феминизма и обосновываются собственные теории пола/гендера. Различные авторы выделяют в этой проблеме свои грани. Так, Н.П. Пономаренко в статье «Многомерность культуры и философские проблемы феминизма» ставит вопрос: «все ли неприродное – культура?». По ее мнению, культура – это сплав природно-социального и социально-природного. Отсюда некорректно феминистское противопоставление пола как природного, а гендера как социального феномена. Пол – это природно-социальное и социально-природное одновременно, т.е. природное и социальное в нем не рядоположенные, а взаимопроникающие составляющие.

Развивая подобные идеи, И.С. Конон говорит о многоуровневости пола и выделяет четыре его элемента: гонадный пол, т.е. дифференциация половых желез, определяемая генетическим набором в момент оплодотворения; аскрептивный пол (приписанный, акушерский или паспортный), т.е. пол, определенный на основе внешности новорожденного; пол воспитания – пол, в соответствии с которым воспитывается человек; пол самоидентификации – самоотождествление человека с определенным полом [8]. Причины той или иной половой самоидентификации разнообразны. Это могут быть влияние воспитателей, среды, воздействие стереотипов, исторических и культурных ценностей на человека, а также самооценка и предпочтения личности, и даже гормональные процессы. Вслед за И.С. Кононом стоит отметить, что в гендерологии, находящейся под сильным влиянием феминизма и социального конструктивизма, биолого-эволюционная парадигма непопулярна. Феминистские авторы считают ее *редукционистской* (сложные и разнообразные формы маскулинности и феминности сводятся к универсальному биологическому императиву), *сексистской* (гендерные свойства редуцируются к половым), *антиисторической* (гендерные свойства выглядят везде и повсюду более или менее одинаковыми), и *политически консервативной* (она часто используется для идеологического обоснования и оправдания гендерного неравенства и мужского господства). Но эта критика справедлива только отчасти, т.к. гендерное разделение труда может и не вытекать из полового диморфизма, но они взаимосвязаны; а индивидуальных различий между представителями одного пола можно насчитать больше, чем межполовых. Следовательно, человек как биологический вид не может полностью освободиться от своего животного наследия, а феминизм не может освободиться от соматофобии.

Питерский ученый Г.Л. Тульчинский предлагает рассмотреть вопрос о поле и гендере в другой плоскости. Какова роль гендера в рациональном осмыслении действительности и человека? «Составляет ли гендер основу самосознания или сам он – лишь результат идентификации, т.е. культурный феномен?» [9]. Другими словами, является ли гендер/пол предпосылкой культуры или ее порождением? Анализируя «гендер» (половую идентичность), он выделяет три уровня его существования:

- 1) нейрофизиологический (натуральный) – с этой точки зрения гендер предопределяет мировосприятие и сознание;
- 2) социально-культурный – с этой точки зрения гендер есть способ описания идентичности и ориентации в мире, социальная роль, определяемая ожиданиями родителей и прессингом окружения;
- 3) психосоматический – как самоидентификация, самосознание.

По мнению автора, гендеров столько же, сколько и полов, т.е. два – мужской и женский. Желая преодолеть дуализм полов, ученый опять в него впадает. Вызывают также сомнение критерии выделения уровней гендерной/половой идентичности?

По мысли другого русского исследователя С. Ушакина, «пол» не должен превращаться в «гендер», чтобы стать предметом научного исследования» [10]. На взгляд автора, можно выделить три основных подхода, существующих на Западе по проблеме интерпретации сущности пола и специфике его формирования (так называемые три типа теоретического фундаментализма): 1) биологический фундаментализм, связанный с идеями З. Фрейда и его последователей; 2) структурный или ролевой фундаментализм – идеи американского социолога Талкотта Парсонса и американского антрополога Маргарет Мид; 3) символический фундаментализм – идеи французского философа Мишеля Фуко, психоаналитика Жака Лакана и их последователей. В первом случае феномен пола сводится до уровня половых практик, уровня сексуальности. Пол лишается метафизической окраски. Акцент здесь ставится на универсальности и природности половых различий. Во втором случае понятие «пол» связывается с половыми ролями. Обретение пола есть процесс обучения традиционно сложившимся образцам поведения, которые трактуются либо как мужские, либо как женские образцы. Акцент здесь – на производном характере пола, на его абсолютной зависимости от социальных систем и функций. В третьем случае речь идет о символической природе пола и о различных способах его репрезентации.

Ушакин, проблематизируя отношение между понятиями «пол» и «гендер», отмечает, что категория «пол» в русской культуре имеет свою историю, которую вряд ли стоит подменять историей понятий и концепций, не имеющих адекватных символических форм в нашем языке. «Пол» – это сложившаяся в обществе взаимосвязь между конкретным анатомическим строением индивида и предлагаемым ему набором специфических, социальных ролей, (якобы) связанных существенным образом с этим строением. Нужно отличать «биологический пол» и «социальный пол», при этом имея ввиду их одну природу – культуру. Данное противопоставление, по мысли автора, носит скорее тактический и стилистический характер и имеет своей целью продемонстрировать автономность «социального» пола, его абсолютную несвязанность с анатомией. Полнее раскрывают проблемы пола еще две категории: «половая идентичность» и «половые практики». Первая отражает способность (или неспособность) индивида ограничить себя рамками моделей, предложенных ему для (само-)идентификации. «Половые практики» описывают способы, формы и объекты, с помощью которых индивид достигает сексуального удовольствия. В этой ситуации половая идентичность и половые практики могут

не совпадать с биологическим полом. Методологические основания для таких идей автор обнаруживает в концепциях постмодернизма и постфеминизма, несмотря на собственную критику последних.

Думается, что, учитывая богатую традицию трактовки пола в русской культуре, сегодня уже невозможно обойтись без понятия «гендер». Новое слово возникло для анализа новых проблем. Оно маркирует не только отношения между полами, но и те сообщества, которые теоретически и практически решают проблемы пола вообще и женские проблемы в частности. «Гендер» представляет собой сложную, противоречивую систему: это конструкция концептуальная и, одновременно, основанная на опыте; индивидуальная и общественная; кросс-культурная и национально-культурная; физическая и духовная (в том числе политическая). Она включает в себя многие аспекты осмысления того, что же означает жить в мире, который создал нас не просто людьми, но всегда женщинами или мужчинами.

В результате осмысления этого феномена в современной славянской культуре формируются, как минимум, три философские парадигмы анализа пола/гендера: это философско-религиозные концепции пола; марксистские и постмарксистские философские идеи; феминистские и постфеминистские теории пола/гендера. Любая из этих теоретических конструкций может ветвиться далее, порождая все новые субмодели пола/гендера. Некоторые из них автономны, замкнуты на себя. Но все они составляют некий конгломерат, на фоне которого рождается славянская философия пола. Если говорить о возможных перспективах, то любая из заявленных моделей может стать вариантом решения как теоретических, так и практических вопросов пола и гендера на постсоветском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Зверева Г.И.** «Чужое, свое, другое...»: феминистские и гендерные концепты в интеллектуальной культуре постсоветской России // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. № 2. – М., 2001. – С. 243.
2. **Филиппович Г.** Проблемы гендерной теории и критики: гендер, пол, сексуальность // Введение в гендерные исследования. Ч. 3. – Харьков, 2001. – С. 101.
3. **Лето А.** Заметки по женской истории: нетрадиционные феминистки // Гендерные истории Восточной Европы. – Мн., 2002. – С. 27.
4. **Евдокимов П.** Женщина и спасение мира: о благодатных дарах мужчины и женщины. – Мн., 2000 – С. 263.
5. **Аверинцев С.С.** София-Логос: Словарь. – Киев, 2001. – С. 361.
6. **Спиркин А.Г.** Основы философии. – М., 1988. – С. 457.
7. **Гапова Е., Усманова А.** Размышления на темы географии и истории // Гендерные истории Восточной Европы. – Мн., 2002. – С. 8.
8. **Кон И.С.** Введение в сексологию. – М., 1988. – С. 60–61.
9. **Тульчинский Г.Л.** Гендер и рациональность (перспективы постчеловеческой персонологии) // Онтология возможных миров / Материалы научной конференции. – СПб., 2001. – С. 137–138.
10. **Ушакин С.** Поле пола: в центре и по краям // Вопросы философии, 1999, № 5. – С. 72.

S U M M A R Y

In this paper the author analyses different methodological approaches to the problems of sex/gender in modern Slavic culture. The author offers three types of attitude to Gender Studies, which are on the postsoviet area on the border of the XX–XXI centuries.

Поступила в редакцию 1.06.2003